

В.Г. Федотова

КАК ВОЗМОЖНА СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ И ДРУГИХ НЕЗАПАДНЫХ СТРАНАХ?

Поставленный в заголовке вопрос может удивить. Давно возникла русская социологическая школа. Марксистская парадигма социальных исследований в коммунистический период не только не устранила социально-философских подходов и разработок советской социологии, но и придала им определенную направленность. Социология существует и развивается в сегодняшней России (можно даже говорить о социологическом буме); она заняла прочное место в дисциплинарной структуре отечественного обществознания и в номенклатуре учебных дисциплин (наблюдающаяся в последнее время тенденция отодвигать ее в число факультативных дисциплин представляется нам временной). В других западных странах социология развивается так же активно. А если нечто существовало, существует и будет существовать, то правомерно ли спрашивать о возможности его существования? Вопрос этот поставлен в кантовском смысле. Напомним, что Кант совершенно не сомневался в существовании синтетических суждений в математике, механике и, тем не менее, выяснял, как они возможны. Он стремился выявить гносеологические условия, делающие возможным их существование. Следуя этой методологии, мы пытаемся выявить социальные условия, при которых социология возможна в России и других западных странах. Одновременно ставится задача проследить связь социологии с изменениями в обществе и описать, хотя бы в общем виде, ее собственную эволюцию и перспективы ее трансформации в будущем. Вопрос не праздный. Западные социологи показывают это, вынося сегодня в заголовки статей проблемы возможности социологии в Японии, в Латинской Америке, в Африке и пр.

Исторические этапы развития социологии

Дело в том, что первоначально социология возникла на Западе, в конкретном месте и конкретном времени — во Франции О. Конта. Однако ее появление было лишь частично связано с конкретными обстоятельствами: прежде всего, с именем Конта, с его стремлением с помощью этой науки урегулировать конфликты в обществе и не допустить новой революции в современной ему Франции. Вместе с тем, она отвечала потребностям всех западных обществ не только своей эпохи, но и последующих — в той мере, в какой они сохраняли свою сущность. И, наконец, западная социология «забывала» о своих «мест-

**Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, главный научный сотрудник
Института философии РАН.**

Адрес: Москва, ул. акад. Волгина, д. 9, к. 1, кв. 29.

Тел.: (095) 335-29-40.

ных» истоках и претендовала на универсальность. Идея универсальности поддерживалась верой в прогресс, в то, что вступление Запада в Новое время, в современность — это только начало процесса, при котором все страны пойдут по тому же пути. Но поскольку это произойдет лишь в будущем, в настоящем социология была нужна лишь самому Западу. Как показали И. Уоллерстайн (используем эту — американскую транскрипцию его имени) и другие исследователи, вплоть до окончания второй мировой войны на Западе и, прежде всего, в США преобладало применение социологии для анализа западных обществ, для анализа незападных применялись культурная антропология, востоковедение. Это нашло свое отражение в системе образования, где в рамках указанных несоциологических дисциплин изучались отдельные западные страны, а социология преподавалась как универсальная дисциплина, без особого интереса к страновой дифференциации и с явным убеждением, что ее универсальность подтверждена ее способностью объяснять западные общества. По мнению Уоллерстайна, сложившееся разделение наук обязано своим существованием либеральной идеологии, которая обособила государство, рынок и гражданское общество, открыв для каждой из сфер изучения свою логику, на которой были построены политические науки, экономика и социология. Им было показано, как в США, после окончания второй мировой войны ставших мировым лидером, возникла необходимость адекватного знания о мире и были организованы страноведческие и региональные исследования. Соответственно, были внесены изменения и в систему образования: социолог, специализируясь, мог, например, изучать особенности какого-либо региона [1, с. 133; 2, с. 3—4]. Сегодня предпосылки либеральной идеологии, относящиеся к возможности разделения экономики, политики и социальной сферы, представляются Уоллерстайну исчерпанными, ибо эти сферы уже не являются независимыми друг от друга: «... ни одна пригодная исследовательская модель не сможет разделить "факторы" в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие постоянными. Мы утверждаем, что существует единый "набор правил" или единый "набор ограничений", внутри которого оперируют эти различные структуры» [1, с. 134]. Таким образом, сегодня социология, согласно Уоллерстайну, имеет возможность войти в состав единой социальной науки, способной изучать любое общество.

Интерес к историческим трансформациям социологии всегда требует выделения фаз ее развития. В отличие от Уоллерстайна, эмпирически описывающего этапы развития американской социологии как науки о западном обществе, затем как науки о любом обществе и, наконец, как части единой науки об обществе или, по крайней мере, части комплексного изучения любого общества, М. Олброу предлагает более сложную типологию стадий развития социологии.

— *Универсализм.* Это классическая фаза социологии, в которой доминирует стремление к получению общезначимого знания о человечестве и для человечества (Конт, Спенсер).

— *Национальные социологии.* Продолжение классического периода социологии, формирование науки на профессиональной основе, отличающееся развитием дисциплины в пределах национально-государственных границ (Вебер,

Дюркгейм). Социологические школы возникли в Германии, Франции, США, Британии, Италии, незападных странах. Идеи не утрачивали универсального характера, но контакты между социологами разных стран были недостаточно развиты, М. Вебер и Э. Дюркгейм не знали друг о друге.

Этот период немногим отличается от предыдущего этапа, поскольку универсальная социологическая теория не выходила за пределы национальных рамок. И дело не только в том, что французы предпочитали ссылаться на Дюркгейма, а не на Вебера, а немцы наоборот, — это происходило также и потому, что в своих универсальных теориях, направленных на получение объективного научного знания, эти ученые отразили специфику своих стран. Франция — католическая страна, и концепция Вебера, очевидно, не объясняет происхождение и сущность капитализма в ней, тогда как рационализм Дюркгейма, его теория разделения труда более адекватно отражают французскую реальность, равно как теория Вебера отражает немецкую. Универсальность же теоретических взглядов Вебера и Дюркгейма состоит в том, что оба они были адекватны в описании классического капиталистического общества, наиболее близким эмпирическим примером которого являлась Англия. Теории, полученные немецким и французским учеными, выступили как общезападные и наиболее характерные для объяснения классического капитализма; тем самым они стали базовыми для прочих социологических подходов к изучению капиталистического общества.

— *Интернационализм* являлся ответом на разрушение национальных идеологий и мировые войны. Это был двойственный процесс: распространение в незападных странах как западной рациональности и теории модернизации (Парсонс), так и идей социализма. Усилились контакты между учеными, в 1949 г. возникла Международная социологическая ассоциация, стали проводиться международные конференции.

Развивая мысль Олброу о данном этапе, можно отметить, что развитие контактов расширило круг идей. Именно в этот период западным ученым стали более известны теории циклов Кондратьева (хотя Кондратьев и приезжал в Америку ранее), идеи неформальной экономики Чаянова, диалогическая теория Бахтина. Хорошей иллюстрацией интернациональной разработки некоторых идей является применение Уоллерстайном циклов Кондратьева для характеристики эволюции капиталистической мир-системы и развитие мир-системных идей Уоллерстайна русским ученым А. Фурсовым для анализа мирового значения коллапса коммунизма [3].

— *Индигенезация социологии*. Это фаза появления местных, локальных социологических концепций. Проявилась в 1970-е годы в отказе социологов стран «третьего мира» внедрять модели, методы и терминологию социологии, возникшей на Западе и предназначенной, по их мнению, для анализа западных национально-культурных практик. Применение марксизма в странах «третьего мира», по мнению Олброу, не является индигенезацией, а характеризуется как сопротивление господству западных теорий (заметим в скобках, что таковой является и марксизм). Подчеркивалась эвристическая значимость собственных культурных традиций как стимулов для появления новых направлений в социологии. Многие социологи третьего мира, трагически воспринимая ситуацию, когда приходится смотреть на себя сквозь призму западных социологи-

ческих понятий, отказывали им в универсальности. С. Хантингтон так характеризует это умонастроение: «То, что является универсализмом для Запада, для всех остальных выступает как империализм» [4, р. 184].

В некоторой степени индигенизация социологии, по мнению Олброу, произошла и на Западе: социологии США, Франции, Британии, Германии, особенно Канады (Олброу говорит о движении по канадизации социологии) становятся более специфическими. Причина этого — не враждебность к каким-то теориям, а интерес к своим особенностям.

На наш взгляд, индигенизация — явление не только 1970-х гг. В России она проявлялась в идеях народной науки, пролетарской культуры. Сегодня тенденции индигенизации заметны в Турции в связи с ростом ислама. Присущее элитарным университетам этой страны стремление учить студентов так, как если бы они жили в США, вызывает реакцию. Как прежде марксизм (в отличие от Олброу, я считаю его фактором индигенизации социологии стран «третьего мира»), сегодня постмодернизм стал знаменем поиска локальной идентичности и адекватных ей способов познания'. Продолжается обсуждение специфичности африканской социологии (6, р. 101 — 154). Что касается западных стран, то такие темы исследования в социологии, как «Манеры за столом: XVII—XIX века», «Изменения в оформлении парижских витрин» сегодня можно встретить не только в Париже (и идут они, кстати, не столько от признанного лидера французской школы Анналов Ф. Броделя, сколько от немецкого исследователя Н. Элиаса), равно как аналитическую традицию — не только в Англии. Скорее, здесь речь идет все же не об индигенизации, а об оживлении фазы национальных социологии, идеи которых быстро распространяются в связи с одновременным действием тенденций к интернационализации.

— *Глобализация социологии.* Это продукт объединения национальных и интернациональных социологических традиций, индигенизации и универсализма — то есть всех четырех прежних стадий [6, р. 58 — 59]. Это результат свободного научного общения и обмена идеями социологов всего мира. Фаза глобализации не совпадает, по Олброу, ни с национализацией, ни с интернационализацией. Это было особенно подчеркнуто Исследовательским комитетом Международной социологической ассоциации, рассматривающей глобализацию как нечто противоположное интернационализации, поскольку она связана с совмещением всех четырех стадий развития социологии [6, р. 5 — 8].

Последняя фаза, на наш взгляд, ближе к первой — фазе универсальной социологии. Универсальность здесь, в отличие от своей первоначальной формы, построена не на том, что весь мир «догонит» Запад и вступит в фазу современности, т.е. станет похожим на Запад и сможет применить его теории, а как раз на разочаровании в неосуществленности и, скорее всего, неосуществимости этого исходного предположения. Осознано сопротивление модернизации разнообразных и не похожих на западную культур, из-за которого даже при высокой степени рекультуризации незападные общества не превращаются в западные. Новая универсальность, достигаемая социологией на этапе глобализации, предстает как мультипликация социологических представлений о самых

• Приспособление постмодернизма радикальными исламистами в Турции для индигенизации социальной науки рассмотрено в переведенной мною статье Г. Ирджика (5, с. 129—140).

разных обществах. Социологические знания, представленные как фазы развития социологии, не исчезают, а сосуществуют и могут участвовать в совместном производстве нового знания.

Выделенные этапы развития социологии, на наш взгляд, одновременно являются типами социологического исследования, которые действуют в разных ситуациях, нередко совместно и всегда с сохранением регулятивного значения социологической классики.

Несоизмеримость социологических подходов к обществам разных стадий развития и разных культур

Вопрос о том, как применить западную (универсальную в соответствии с первым этапом) социологию в России или Японии, в общем виде был разрешен: по мере того, как в названных и других незападных странах возникает модернизированный сектор или по мере того, как они осуществляют модернизацию, обретают социальные структуры, сходные с западными. Однако конкретное ее применение содержит много особенностей, нуждающихся в рассмотрении.

Универсальность же социологии, присущая этапу ее глобализации, требует особых обсуждений, ибо механизм мультипликации социологических подходов к разным обществам не ясен. Именно этим проблемам будет посвящен данный раздел статьи.

Неизбежно встает вопрос о соизмеримости обществ и нахождении универсальных социологических средств для их описания. Вопрос о соизмеримости решается в компаративистских исследованиях. Методология этих исследований с конца XIX в. и по сей день предполагает максимально изолированный анализ сравниваемых обществ с тем, чтобы устанавливаемые сходства, пересечения, культурные гибридизации, взаимные влияния, которые могут быть выявлены, не были следствием методологических ошибок. Методология компаративистского исследования представлена известным социологом П. Штомпкой в виде таблицы.

Виды компаративистского исследования [цит. по: 6, р. 54]

Направления компаративистского анализа	Фокус компаративистского исследования		
	Масштаб применения	Масштаб объекта	Масштаб суждений
Поиски одинаковости, сходства	Охват сравниваемых культур	Универсализирующие сравнения	Генерализирующие сравнения
Поиски уникальности	Индивидуализация сравнений	Конкретизирующие сравнения	Сравнения, выявляющие особенности

В свете стоящей перед нами задачи представляет интерес последняя колонка справа, в которой описываются две разные исследовательские программы социологии — натуралистическая («генерализующая») и культур-центристская (обозначенная в таблице как «сравнения, выявляющие особенности»). Натуралистическая программа рассматривает социальные факты как «вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад», как писал Э. Дюркгейм [7, с. 394]. Иными словами, натуралистическая программа формирует идеалы и нормы научности социологии по образцу естественных наук. Намеренно методологически заостряя противоположность субъекта и объекта познания, она ориентируется на объяснение явлений, раскрытие присущих им закономерностей — генерализацию. Культур-центристский подход методологически заостряет неизлименируемость свойств субъекта из изучаемого социологией объекта, интересуется не типичными, а наиболее характерными его качествами, выделяет особенности, определяемые культурой. Его метод — понимание, а не объяснение, индивидуализация, а не поиск закономерностей. Даже если натурализм и культур-центризм применены для изучения одного и того же социального объекта, они делают предметом своего изучения разные части этого объекта: натурализм позволяет изучить «жесткий каркас», «скелет», т.е. закономерности социальной системы; культур-центризм — «мягкие ткани» общества, вплоть до того, чтобы построить историю без героев (школа Анналов) и «социологию без общества» [8, р. 262 — 279].

П. Штомпка, чью таблицу мы привели выше, использует другие термины для выражения идей, обозначенных нами как «натурализм» и «культур-центризм». Он говорит о социологических и социетальных концептах. Социологические концепты объясняют социальные феномены, социетальные концепты характеризуют участие индивидуальных и коллективных субъектов в социальной жизни [6, р. 49 — 50]. Употребляя термин «социетальные сообщества», Т. Парсонс понимал под ними объединения людей, возникающие по мере становления обществ. По его мнению, потребовались сотни лет, чтобы локальные социетальные сообщества феодального периода смогли эволюционировать до такой степени социальной интеграции, как гражданство. То есть «общество» понимается им преимущественно как капиталистическое, западное, четко структурированное, разделенное на уровни, где осуществляются определенные функции, соответственно и социология в этом случае является структурно-функциональной [9]. Но и в других направлениях социологии натуралистический подход доминирует при исследовании западных обществ. Дискурс социологии здесь связан в основном с понятиями структуры, институтов, рациональности, современности, прогресса, модернизации, технического развития и пр. Для многих обществ он совершенно чужд. Разумеется, есть феноменологические, этнометодологические, герменевтические культур-центристские подходы, но раскрываемые ими повседневность, смыслы, коллективные представления Запада также мало соизмеримы с незападными обществами.

Сопrotивление западному типу дискурса и есть индигенизация. Попытка совмещения дискурсов ведет сначала к интернационализации социологии, затем к ее глобализации. Что же противопоставляется западному социологическому дискурсу в Латинской Америке, Юго-Восточной Азии, России, Африке?

В Латинской Америке считается необходимым включить в латиноамериканский социологический дискурс местное знание, проблемы участия, власти, исследование коллективов, отношения настоящего к прошлому, использования традиции для мобилизации масс, признание ценностей народной культуры, легитимность отрицания западных ценностей, критику эксплуатации, нужды и несправедливости, проблему трансфера латиноамериканского социологического видения в другие страны и, прежде всего, на Запад [10, р. 79—100].

Как мы уже отмечали, в научной литературе ставится вопрос и о возможности японской социологии. В Японии можно выделить два основных направления в социологическом знании: использование западных теорий как универсальных и индигенизация — попытка построить социологическую концепцию исходя из японской уникальности. Первое направление базируется на Марксе или на теории модернизации. Японское социологическое сообщество, социологические факультеты издают журналы на английском языке, активно осваивают западную социологию, особенно американскую. Преобладает интерес к структурно-функциональному подходу Парсонса. Второй подход — поиск японской уникальности и уникальной японской социологии, описываемый западными и японскими ориенталистами метафорой «хризантема и меч», связан с приложением антропологических характеристик к анализу общества, с раскрытием своеобразия японского характера, с утверждением социальной и культурной гомогенности Японии, коллективизма, преобладания традиции над изменениями, культуры стыда в отличие от западного чувства вины [11, р. 1—67]. Характеризуя ситуацию в японской социологии, Дж. Ли высказывает неудовлетворенность обоими подходами. Первый основан на довольно устаревших и не соответствующих японскому опыту идеях, хотя и имеющих определенное культурное и образовательное значение. Второй не учитывает изменений и не имеет адекватной компаративистской перспективы, что не позволяет сравнить японское общество не только с западными, но и с ближайшими азиатскими соседями: «Аргументы уникальности и генерализации являются двумя сторонами одной и той же теоретической медали. Тщательное и глубокое описание основных институтов или групп можно осуществить и без стремления выявить их специфичность или универсальность. Универсальная теоретическая модель, по контрасту, просто предлагает место для Японии в концептуальной схеме, но место это очень мало, что толкает Японию к поискам аналитических инструментов, адекватных для анализа японского общества» [11, р. 24].

По мнению Ли, японцы более успешны в применении постмодернизма и в эмпирических исследованиях. Действительно, развитие японского общества в послевоенный период прошло две стадии: модернизационную, неолиберальную, руководимую американскими оккупационными силами, и с середины 1950-х гг. осуществляемую по модели японских социологов, предложивших сохранить старые структуры, — например, общины в деревне, хорошо воспринимающие государственное воздействие, — но изменить цели государства. Не завершив модернизационную фазу, японское общество стало развиваться на основе собственной идентичности, и такой тип развития получил название постмодернизации. Он сопровождался детальной эмпирической разработкой мероприятий региональной политики [12, с. 63—97]. Этот положительный опыт

стоит как бы в стороне от теоретически маргинальных для Японии, но реально магистральных направлений западной социологии.

Ли показывает, что в 60-е годы в Японии возникло инициированное М. Мариамай движение интеллигенции: быть специалистом, а не интеллектуалом. Оно вписывалось в социологические поиски путей развития страны, но, как и в Америке, не избежало крайностей — производства «специализированных дураков», абсолютно невежественных во всем, что лежит за пределами их экспертного знания [11, р. 62].

Хорошо видно, что социологическое знание в России имеет много общего с японским опытом. Так же преобладает бинарная оппозиция освоения западной социологии и собственных попыток описать национальный характер, российскую многонациональность, мультикультурализм и мультиконфессионализм, коллективизм, отсутствие срединной культуры, неформальность экономики, предпочтение воли свободе; ставятся вопросы об учете этой специфики западными социологами при попытке объяснения российских процессов. Последнего пока добиться не удастся, хотя богатая традициями русская социологическая школа, представленная трудами Ковалевского, Петражицкого, Тимашева и др. известна на Западе. П. Сорокин остается русско-американским социологом, несмотря на то, что материалом его исследований за рубежом являются прежде всего американские реалии.

Представляют интерес африканские социологические исследования, которым также свойственна поляризация освоенной, но плохо работающей для анализа африканских обществ западной социологии и попыток создать собственные социологические концепции, применимые к местным условиям. Идиоматичность африканской социологической традиции проявляется в антропологизме и этнографичности, в изучении фольклора, преданий, устной поэзии, построении африканской социологии знания [6, р. 119—151].

Попытки преодоления несоизмеримости социологических теорий и достижения глобальной универсальности социологии

Как видим, существуют большие различия между обществами, находящимися на разных стадиях развития и обладающих разной культурой, что делает описывающие их социологические теории трудно соизмеримыми. В пределах одного общества также обнаруживается несоизмеримость заимствованных из западных источников способов объяснения и местных трактовок социальных явлений.

Как же преодолеть эту несоизмеримость, как получить новый тип универсальности социологии, соответствующий духу глобализации? Есть, по меньшей мере, три предположения на этот счет.

Остро поставив вопрос о несоизмеримости социологических теорий и пытаясь для его решения привлечь компаративистский метод, Штомпка все же полагает возможным *сблизить* западные и незападные концепции, *посредством увеличения* в первых социетальных или, в нашей терминологии, культур-центристских подходов. Иными словами, привлечение всего арсенала «мягких методов» западной социологии — феноменологии, этнометодологии, герменевтики, коммуникативной социологии увеличивает ее способность понимать «чу-

жие» — незападные общества и быть соизмеримой с их собственными представлениями о себе. Это предложение имеет перспективу, но, вместе с тем, связано с рядом трудностей. К их числу относится упомянутая выше ценностная несоизмеримость западного и незападных обществ, которая с помощью указанных подходов будет со всей очевидностью обнаружена. Даже при условии понимания различий диалог по их поводу не всегда возможен. Другая трудность состоит в следующем: социология как академическая дисциплина возникла на Западе в XIX в., но сегодня очевидно, что социология или что-то подобное ей развивается и в незападных странах. Именно в этом и состоит проблема: может ли *что-то подобное социологии* быть названо ею или быть интегрировано в универсальную социологию эпохи глобализации. То, что выше было представлено как африканская социологическая специфичность, скорее похоже на этнографию. Можно в перспективе согласиться с Уоллерстайном, предсказавшим вхождение социологии в единый научный комплекс, способный изучать любые общества. Но при существующем сегодня и, видимо, установленном надолго дисциплинарном порядке мы должны признать, что модернизированные общества изучаются, скорее, культурологией, этнографией, ибо не имеют жестких структур и институтов, на которые ориентирована социология. Если же предположить, что могут существовать общества, где не только нет жесткого социального каркаса, но и произошло разрушение традиционной культуры (например, общества, которым модернизация не удалась, но в которых в ходе попыток ее осуществления был сокрушен прежний уклад и произошла атомизация индивидов), то такое общество стало бы объектом изучения не столько социологии или культурологии, сколько психологии.

Второй путь мультипликации опыта национальной социологии с западной ради получения нового типа универсальности намечен Ли на примере Японии. Он показал, что «мечта об универсальном теоретизировании *на уровне Японии* (курсив мой. — В.Ф.) трудно осуществима или вообще невозможна, даже если японское общество будет определено как политическая или культурная единица» [11, р. 58]. В любом случае это будет локальная единица, не способная произвести универсальный продукт. Но ведь Запад произвел его, почему же Япония не может? География культурных универсалий включает отдельные страны, которые производят нечто, принятое всеми народами. Именно на этом пути Запад и создал универсальную социологию (на первом этапе ее существования). Япония не стала, в отличие от Запада, центром мирового развития, определившим его направленность. Она играет ведущую роль в своем регионе, но развитие в нем построено на использовании уникальных особенностей. Поэтому никак нельзя сказать, что Сингапур, Малайзия или Таиланд догоняли Японию — незападные страны в течение пятисот лет пытались следовать за Западом, ориентируясь на догоняющую модель модернизации. Единственную возможность для японской социологии включиться в универсальное производство знания Ли видит в том, чтобы поместить *в предмет* своего исследования *транснациональные процессы*, в которых участвует и Япония. Только так, по его мнению, японская социология может вырваться из плена западной и развиться за пределами западного доминирования, не впадая в индигенистское сопротивление, т.е. преодолеть полюса евро- и американоцентристского универсализма и японской уникальности. Это предложение может быть полез-

ным, но, на наш взгляд, для Японии трудновыполнимым, поскольку ее транснациональные связи осуществляются преимущественно в сфере экономики и информатики и не затрагивают социальной сферы. Чтобы пойти по обозначенному Ли пути, Япония должна вернуться к задачам модернизации, о чем говорят некоторые японские социологи, например А. Китахара [13]. Переход к постмодернизации (развитию на основе собственной идентичности) позволил Японии стать конкурентоспособным обществом, но незавершенность задач модернизации, во многом традиционный характер японского общества делает его несоизмеримым с западными обществами, ибо при всей декларации постмодернизационных сдвигов Запада они происходят на культурной периферии, не затрагивая «ядра», сложившегося за пятьсот лет современной эпохи.

Третий и, как нам представляется, наиболее перспективный путь мультипликации западной и незападных социологии до уровня новой универсальности предложен американским социологом Э. Тирикьяном. Это путь *построения интернациональной социологии* (не путать с социологией международных отношений). Тирикьян разработал некоторые методы ее формирования на уровне обучения студентов в университете Дюк в США. Это проект курсовых работ, в которых студентам, являющимся американцами в третьем поколении, предлагается рассказать, из каких стран и в какое время прибыли их предки, охарактеризовать те общества, из которых они прибыли, в том числе и их нынешнее состояние (политический режим, экономику, социальную стратификацию т.д.), описать социальные изменения в США с момента прибытия в страну их родственников. Студенты могут приводить устные истории, а также документальный и научный материал. Для студентов, чьи семьи живут в США дольше, чем три поколения, предполагается изучение социальной истории [6, р. 70—71]. Это блестящий пример попытки двухстороннего трансфера социологических знаний, который жаждут получить социологи большинства незападных стран, сопротивляющиеся одностороннему потоку научных моделей с Запада в западные страны, но не имеющие встречного потока даже при выработке программ развития той или иной западной страны.

Мы бы определили интернациональную социологию как *такое направление*, в котором осуществляется *взаимный трансфер социологического знания* с Запада в западные страны и обратно, а также между странами внутри этих регионов. Ее недостаточное развитие — самый болезненный пункт отношений ученых посткоммунистических стран с Западом. Проблемы наших стран обсуждаются в западных журналах без нашего участия или с участием тех, кто спешит согласиться с западной точкой зрения. Критика ельцинского десятилетия — за подмену демократии олигархией, свободы и демократии волей, за анархический, а не демократический порядок, создающий предпосылки авторитаризма в будущем, за попытку скрыть системность криминала, за отсутствие заботы о социальной субстанции цивилизованного капитализма, за использование модели догоняющей модернизации в условиях глобализации — не была услышана Западом. Ради конкретности я говорю о том, о чем сама писала. Но, положим, по-русски мало кто читает. Однако когда в 1997—1998 гг. я была в течение восьми месяцев Фулбрайтским стипендиатом в Институте Гарримана Колумбийского университета в Нью-Йорке, изучающем Россию и Восточную Европу, ко мне прекрасно относились, но мне не удалось ничего опуб-

ликовать в США — мне даже не было предложено сделать развернутый доклад. В проходившей при большом собрании ученых полемике с МакФоллом по поводу электоральной демократии я пыталась показать, что анархические тенденции преобладают в России над демократическими, но МакФолл ответил: «Это же хорошо. Зато у вас не будет коммунизма». В кулуарах к моей концепции был проявлен интерес, ибо примитивность оценки нашей ситуации в качестве борьбы коммунистов и демократов, впоследствии отмеченная и западными учеными, на тот момент была новостью. Запад не стал гарантом цивилизованного капитализма в России, хотя мы ожидали этого, и сегодня теоретически ясно, почему этого не произошло [14, с. 3—27]. И хотя есть объективные причины, не позволяющие Западу повсеместно быть гарантом цивилизованного капитализма, мне кажется, что интерес западного научного сообщества к «неподдакивающим» концепциям многих российских ученых, двусторонний трансфер знаний, независимые международные экспертизы могли бы помочь России избежать многих ошибок, о которых сегодня сожалеют и на Западе.

Мы же имеем опыт, показывающий, с какой легкостью западные эксперты отказываются от своих инструктивных притязаний, не беря на себя и доли вины при провале прежде поддерживаемого ими курса. Совершенно убийственную трактовку одностороннего трансфера социальных знаний с Запада в посткоммунистические страны дали венгерские ученые [15, р. 489—509]. По их мнению, Запад приносит в Восточную Европу не только исследовательские приоритеты и финансирование программ. «В этой статье, — говорят авторы, — мы хотели бы сфокусировать внимание на эффекте западного вторжения в Восточную Европу в области исследований в социальных науках. Имя этого явления — колонизация» [15, р. 492]. Главная мотивация западных экспертов — борьба с остатками и возможностью рецидива коммунизма в восточно-европейских странах. При этом они не обладают чувствительностью к тому, в какой форме существует пришедший на смену социализму капитализм. Западные исследователи, и особенно те из них, кто работал в регионе прежде, буквально переключили свои исследования на другую волну и не пытаются ответить, почему они не предсказали серьезных исторических перемен. В статье утверждается, что эксперты, совершившие быстрые перемены, всегда были готовы двигаться туда, где были деньги, вплоть до того, что сегодня специалисты по вооружениям заняты этническими конфликтами, изучавшие рабочее движение сегодня изучают предпринимательство. Венгерские ученые утверждают, что выбор тематики предложений, выдвигаемых на получение грантов, осуществляется не экспертами, а западными журналистами, пишущими в текущей прессе: «переход», «посткоммунизм», «смерть истории». И эти термины внедряются в дискурс академического сообщества. Все это возможно потому, что сложилось «новое неравенство: все деньги для исследования теперь приходят с Запада. Исследовательская система Востока, наряду со многими культурными продуктами, исчезла» [15, р. 490].

Многие оценки венгерских коллег наверняка разделяет большой отряд российских ученых и ученых других стран Восточной Европы. Часто слышны жалобы на безразличие, некомпетентность в оценке происходящего, высокомерие, наличие «круга избранных», на который ориентированы западные эксперты, вненаучные соображения при присуждении грантов. Венгерские ученые

жалуются на то, что Запад поощряет эмпирические исследования, сбор данных и не стимулирует серьезного теоретического анализа. Западные эксперты говорят, что в их лице в посткоммунистические страны пришла помощь, но они и представители восточноевропейской науки понимают эту помощь по-разному. Этот процесс оказывается односторонним: западные эксперты не изучают отдельные восточноевропейские страны и сложившиеся в них научные школы. Они требуют определенного выбора, обусловленного тем, чтобы догнать западноевропейскую или американскую систему образования и перенять характерный для этих стран способ исследования. Они не заинтересованы в кооперации, требуя бесконечного приспособления. Восточноевропейская наука однозначно рассматривается как консервативная, провинциальная, негибкая, технически отсталая. Научные и образовательные программы, как показывают венгерские специалисты, внедряют западные парадигмы социальных наук без изучения страны, в которой это происходит, они переносят сюжеты постсовременной реальности Запада в Восточную Европу, маргинализируя и без того маргинализованные общества, разрушают региональную идентичность восточноевропейских стран и пр. Западные эксперты отрицают специфику стран, в которых они работают, часто даже не зная языка соответствующей страны, и все попытки описать культурные особенности той или иной страны воспринимают как сопротивление вестернизации.

Поэтому венгерские коллеги приходят к выводу, что создается система зависимости, в которой восточноевропейская наука перестраивается без учета научного достоинства ее специалистов. Нет программ по переводу книг восточноевропейских ученых, по их участию в редакционных коллегиях западных журналов, отсутствует объективное представление позиций ученых Восточной Европы в западных научных журналах, нет никакой системы вхождения в мировое научное сообщество. С последним, я думаю, согласится каждый, даже самый удачливый баловень западных фондов, даже самый «вошедший» в западную науку восточноевропейский ученый.

Улица с односторонним движением безусловно существует. Уехавшие за границу ученые часто работают на невыгодных условиях. Мы чувствуем неустойчивость своего существования, невостребованность наших результатов, доминирование поверхностных представлений, отвечающих злобе дня. Под многими словами венгерских ученых можно подписаться.

Российские ученые могли бы добавить, что они не часто видят западных экспертов. Между ними и Западом стоят доверенные посредники. Одни из них интересуются деньгами западных фондов, и не секрет, что финансирование исследований в России нередко происходит с изрядной задержкой с момента получения западных денег. Другие озабочены тем, чтобы осуществить идеологический контроль. Именно эти посредники делают неадекватными наши отношения с западными коллегами, ибо, помимо фондов, экспертов и посредников, есть коллеги, которые адекватно воспринимают нас, приглашают, печатают, нередко преодолевая сопротивление посредников или скучающего залетного эксперта, который походя решает твою судьбу, даже не зная ничего о твоей профессии. Формальные требования то и дело меняются: гранты людям из провинции, молодежи, потом неожиданно — профессорам, ибо их влияние на

олодежь явно больше, чем влияние молодого человека, который едет за границу на год, а затем желает там остаться.

И все же я не могу согласиться с венгерскими коллегами полностью. Я далека от мысли о злонамеренности — скорее, дело в несоизмеримости социологических представлений, способы преодоления которой мы пытаемся обсудить.

Первый пункт несогласия связан с социальным устройством науки, ее иерархичностью. Мне кажется, немецкие ученые вполне могли бы пожаловаться, что в Америке их плохо знают и не ценят по достоинству. Что же касается российских ученых из провинции, то их судьба была и остается трагической. Они живут и работают, не имея достаточного выхода на столичное научное сообщество, а эпизодические западные поощрения часто не имеют продолжения и являются приглашением к чистому ученичеству.

Второе возражение, которое хотелось бы высказать, также социологического свойства. Социология знания открыла еще два фундаментальных факта: у знания об обществе есть свои социальные источники; каждое общество имеет свои собственные представления о самоочевидном знании. Первый тезис позволяет понять то, что социальные науки и, в частности, возникшая на Западе социология, отвечали уровню западной рациональности и служили целям западной модернизации как в мировоззренческом смысле (обосновывая правомочность западного пути развития), так и в социально-технологическом (обеспечивая функционирование социальных систем). Распространение этих наук и их развитие в других странах явилось частью распространения западного опыта или процесса модернизации.

Избрав курс догоняющей модернизации (неомодернизм), Восточная Европа и Россия перенимают институты Запада, в том числе, и его науку как один из центральных институтов. Если бы политический курс был иным, например, ориентированным на создание конкурентноспособной экономики, наверное, судьба социальных наук была бы другой, и отношения между западной наукой и наукой Восточной Европы были бы более партнерскими. Курс неомодернизации уже выбран Россией и в целом Восточной Европой, и он удивляет тех (например, американских социологов П. Бергера и Дж. Александера), кто не понимает, какую же стадию развития Запада мы догоняем сегодня. Но какую бы мы ни догоняли, заимствование западных образцов научности при этом неизбежно.

Венгерские ученые рационализм западной науки называют вирусом иммунодефицита. Это указывает на близость мироощущения восточноевропейцев. Россия и Восточная Европа в целом могут быть охарактеризованы как место, отличающееся признанием в качестве самоочевидного (возвращаемся к этому тезису социологии знания) особого типа знания — мировоззренческого, ценностно нагруженного. Когда Борис Годунов послал первых студентов за рубеж, они вернулись (следующие уже не вернулись), привезя с собой не знание ремесел, строительного дела, техники, а алхимию и астрологию, мечтая превратить сибирские леса в золото и найти счастливое для страны сочетание звезд. Сколько раз потом — марксизм, диалектика, неолиберализм, циклы Кондратьева, синергетика перетолковывались у нас подобным же всеобещающим образом. Нам нужна прививка рациональности, вакцинация, которая уберезет нас

от собственной опасной болезни. До описанной венгерскими коллегами болезни еще далеко.

Несоизмеримость восточноевропейских и западных обществ и их социологии заметна, но *три способа* интеграции социологического знания для достижения его новой универсальности — *усиление культур-центристских подходов, помещение в транснациональный контекст, интернациональная социология* нам представляются перспективными, особенно последний проект. Он учит нас рассмотрению всех обществ в многосторонней перспективе, начиная от индигенизированных точек зрения с переходом к тем, которые оценивают перспективы развития, исходя из местных условий, затем с позиций западной социологии, далее — в транснациональном контексте.

Универсальная социология в период глобализации невозможна без совместной профессиональной деятельности социологов всего мира, без попыток обсуждения любой проблемы, выявления ее значимости и способов ее решения.

Литература

1. Валлерштайн И. Анализ мировых систем; Современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.
2. Иммануил Валлерштайн в Москве (доклад И. Валлерштайна в Институте социологии РАН) / Литературная запись и обработка Н. Н. Федотовой // Вестн. профессиональной социологической ассоциации. 1977. № 1 (7).
3. Фурсов А. Колокола истории. М.: ИНИОН, 1999.
4. Huntington S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.
5. Ирджик Г. Философия науки и радикальный интеллектуальный ислам в Турции // Вопросы философии. 1999. № 2.
6. Globalization, Knowledge and Society / Ed. by Albrow and E. King. L.: Sage, 1990.
7. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод в социологии, М.: Наука, 1991.
8. Maugé W.W. Ethnomethodology: Sociology without Society? // Understanding and Social Inquiry. L., 1977.
9. Parsons T. The Evolution of Societies / Ed. by J. Toby. Prentice-Hall, 1977.
10. Borda O.F. The Application of Participatory-Action Research in Latin America // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by Albrow and E. King. L.: Sage, 1990.
11. Lie J. Sociology of Contemporary Japan // Current Sociology: Journal of the International Sociological Association. 1996. Vol. 44. № 1.
12. Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФ РАН, 1997.
13. Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд) // Философские науки. 1996. № 1-4.
14. Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.
15. Gsepely G., Orkeny A, Scheppele K.L. Acquired Immune Deficiency Syndrome in Social Science in Eastern Europe // Social Research. 1996. Summer.